

ОУИ НБ МГУ №0060

Об автомобильных ротах русской армии в Первую мировую, о встрече с Николаем II и знакомстве с унтер-офицером Маяковским

<http://oralhistory.ru/talks/orh-0060>

🎙 22 июля 1968

Собеседник

Бажанов Иван Николаевич

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 22 июля 1968 и опубликована 11 апреля 2017.

Введение

Иван Николаевич Бажанов, автомобильный инженер и изобретатель, был первый раз записан Дувакиным в 1968 году. Бажанов собирался рассказать о своем знакомстве с Маяковским.

О Маяковском он помнил не так много, зато история его собственной жизни оказалась действительно уникальной.

Иван Николаевич рассказывает о том, как учился в Омске, Петербурге, Льеже и Париже, став почти универсальным специалистом-инженером, как уже в конце 1900-х возил на автомобиле в Бельгии аргентинского посла, а в годы Первой мировой — самого Николая II, как совершал бесстрашные вылазки во время войны, вызволяя автомобили с линии фронта. Бажанов описывает, как создавались первые автомобильные роты русской армии, вспоминает об Октябрьской революции и о том, как сложилась его жизнь после 1917 года.

О семнадцати годах советских лагерей 95-летний Бажанов расскажет Дувакину спустя 7 лет, в 1975 году.

В качестве приложений к этой беседе мы размещаем [воспоминания](#) Бажанова, опубликованные в журнале «Автомобильный транспорт» №№5–6 за 1992 год, где описаны некоторые события, не упомянутые в этом интервью, а некоторые изложены более детально, а также [послужной список](#) капитана, помощника начальника Военной автомобильной школы по технической части Ивана Николаевича Бажанова.

Благодарим Станислава Кирильца за консультацию, предоставление журнальной публикации и материалов книги «Автомобили Русской Императорской армии. «Автомобильная академия» генерала Секретева».

Кадет, инженер–строитель, электромеханик

Виктор Дмитриевич Дувакин: Иван Николаевич, значит, прошу вас. Вначале немножко расскажите о себе и затем просто так крупным планом расскажите то, что вы помните о Маяковском и об этой Автомобильной школе и так далее.

Вам, значит, так много лет уже. Ваша дата рождения?

Иван Николаевич Бажанов: Нет, подождите, дата моя рождения точная более — это 1880 год, второго февраля, вспоминаю я*.

* В послужном списке И.Н. Бажанова (см.прил.) датой его рождения значится 6 ноября 1880 года.

В.Д.: Ага, значит, вам уже исполнилось полных...

И.Б.: Ну, мне будет восемьдесят девятый год.

В.Д.: Сейчас вам восемьдесят восемь, да?

И.Б.: Да.

В.Д.: Так. В Москве вы родились?

И.Б.: Я родился в городе Перми, учился в гимназии пермской, потом отец переехал в Сибирь, я уехал туда и кончил Омский кадетский корпус, вместе с Куйбышевым, с Карбышевым, вот этими людьми, которых все знают теперь уже.

В.Д.: Ну, еще бы.

И.Б.: Куйбышев у нас вышел из четвертого класса, а с Карбышевым мы кончили полностью Корпус. Затем я кончил Инженерное училище в Петербурге* с дополнительными курсами со званием местного инженера и попал в Восьмой понтонный батальон на юг, а оттуда – на Русско-японскую войну, где строил...

В.Д.: Ах, вы уже в Русско-японскую?..

И.Б.: Да.

...Где строил мосты.

В.Д.: Значит, вы инженер-строитель?

И.Б.: Да, я считался по первому институту инженер-строитель, а по второму институту, который я кончил после уже Японской войны и уехал за границу, поступил в институт, я сделался инженером-электромехаником, это в Льеже в Бельгии. После Льежа...

В.Д.: Это институт в Льеже, да?

И.Б.: Институт, да.

В.Д.: Как он назывался?

И.Б.: Монтефиоре. ...в Льежском университете.

В.Д.: Это какие же годы?

И.Б.: Это девятьсот шестой год примерно так вот.

Оттуда я поехал в Париж и поступил на заводы главной компании радио и телеграфа. Это три объединенных завода, называлась компания С.G.R., по имени начальников наших... директоров наших трех заводов: Гейфе, Карпантье и Рошфор. У них я работал в конструкторском бюро два с половиной года и попросился поехать в Россию – повидать своих родных. Когда я приехал в Россию... Я числился ведь

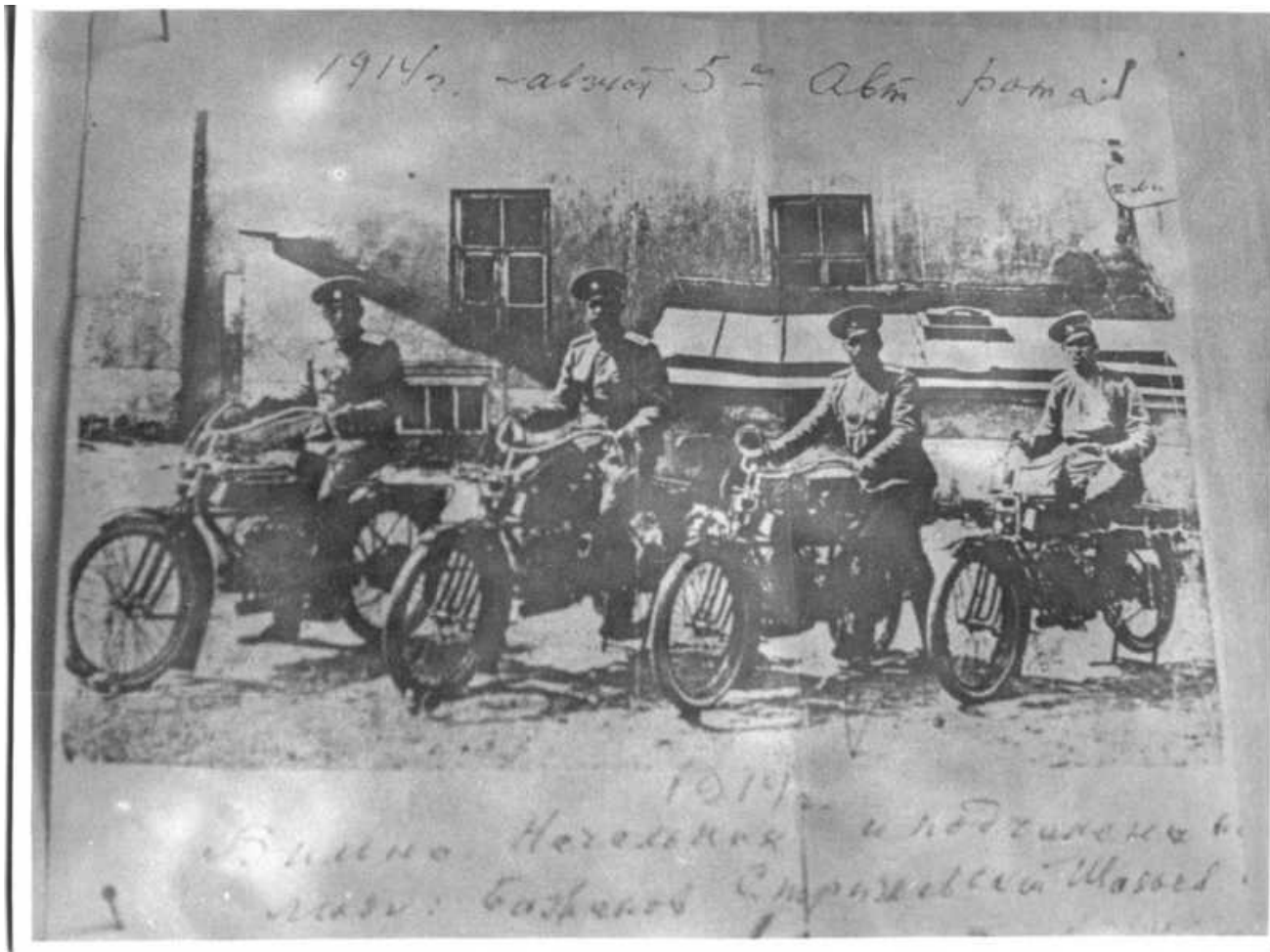
инженерным офицером в запасе...

В.Д.: Значит, вы военнотружущим были?

И.Б.: Да, я еще числился инженерным офицером в запасе. Ну, и меня сейчас же взяли на Первую войну, я не мог уехать обратно во Францию, и назначили командиром Пятой автомобильной роты**. Сначала это было в Полоцке, а потом перевели в Вильну, где я как раз с этой ротой и выступил в Первую империалистическую войну.

* Николаевское инженерное училище

** Из послужного списка Бажанова: Предписанием начальника Военных сообщений Виленского в. о. 7 января 1914 г. № 293 назначен заведующим гаражом и автомобильным транспортом 5-й роты 9 января 1914 г.

5-я автомобильная рота. Вильна, август 1914 года. И.Н. Бажанов — первый слева. Фото из личного архива И.Н. Бажанова

В.Д.: А почему ж автомобильной, когда вы?.. Это тоже по вашей специальности?

И.Б.: Да, потому что, когда я на заводах работал там, вечером я практиковался в Ecole Vreguet, специальной школе автомобильной. Изучил автомобильное дело и даже возил по найму одного, так сказать, богатого человека в свое время.

В.Д.: Там в Париже?

И.Б.: Да...

В.Д.: ...В Льеже?

И.Б.: ...Да-да, в Льеже сначала.

В.Д.: Так что вы просто были у него вроде как, так сказать, уже...

И.Б.: Да, я учился...

В.Д.: ...нанятый шофер... и как студент подрабатывали.

И.Б.: ...и вечером возил этого гражданина и в свободные дни возил его.

В.Д.: А он кто был – просто буржуа?

И.Б.: Он был из Аргентины, представитель посольства, этот человек. У него была жена певица там, и вот я их возил на их машине. Ну, это между прочим.

В.Д.: В то время это был шик.

И.Б.: Да, надо было немножко мне прирабатывать, потому что деньжонки требовались студенту. А уже в Париже — в Париже, когда я работал в конструкторском бюро, то нас, молодых инженеров, оплачивали очень мало: ну, сто — сто двадцать франков, в то время когда мастер получал четыреста пятьдесят, а главный инженер, например, инженер Мари, мсье Мари, так он получал семьсот франков в месяц.

В.Д.: Ну, и...

И.Б.: Ну, видите, дальше я, когда поехал... Меня не пускали, откровенно говоря, фирма, никак не пускала, они считали меня нужным человеком, обещали мне в Марсель специальное место даже по оборудованию крейсеров, по электрооборудованию французских крейсеров, а я все-таки говорю, что тоска по родине, товарищи, — это есть, дескать, такое чувство, я должен поехать немножко. «Зачем вы поедете, — говорит, — в эту Сибирь туда куда-то? Что — там волки ходят у вас (*Дувакин смеется*) только одни». «Что у вас? У вас вон рассказывают – медведи гуляют там по Невскому проспекту. – Чего вы поедете туда?»

Я говорю, что, «ну вот тянет, представьте себе, тянет. Я люблю охоту, тянет меня туда. Ну, — я говорю, — я поеду и вернусь».

А знаете, что он говорит? «Мы вам даем сборную электростанцию, радиостанцию переносную приемную и передаточную, вы поезжайте туда и рекламируйте сейчас нас там. Там в Екатеринбурге рекламируйте. В Урале, – говорит, – трудная связь, а вы будете там, покажете им, прочитаете лекцию в Екатеринбурге — пускай, может быть, будут покупать у нас эти вещи». Они меня снабдили этой станцией, я привез, и в Екатеринбурге я выступил — выступал и показывал, как работает радио...Тогда это новости были.

В.Д.: Значит, это перед самой войной.

И.Б.: Это перед самой... Это уже было...

В.Д.: Четырнадцатый год.

Пятая автомобильная рота

И.Б.: Да, перед самой войной, когда шел вопрос уже о назначении меня Пятой автомобильной ротой командовать. Когда я вернулся, меня сейчас же взяли как офицера запаса и назначили командиром Пятой автомобильной роты. То есть сначала-то назначили меня, вернее, в Пятый железнодорожный батальон, а в нем уже Пятая рота считалась...

В.Д.: ...автомобильной.

И.Б.: ...автомобильной. Это все было завуалировано тогда, не говорили: «автомобильные роты», потому что пять автомобильных рот формировалось – военное ведомство их завуалировало*. Это были пятые

роты железнодорожных батальонов, потому что вообще в то время военное ведомство запоздало с организацией транспорта этого, оно не придавало значения никакого и считало... оно не учло тогда французских...

В.Д.: ...достижений...

И.Б.: ...примеров, да, когда транспорт подтянул к Вердену громадную всю армию и так далее. Это не учтено было все, знаете, и мы запоздали. У меня в роте, значит, было все-таки... в конце концов было двести машин новых этих... немецких.

В.Д.: Это вот в Полоцке уже?

И.Б.: Да, в Полоцке. Но полоцкую роту быстро перевели... Такой был генерал Бобровский, начальник военных сообщений, – он однажды посмотрел... Приехал в наш батальон и увидел меня. Я был весь увешан орденами, молодой инженер, ...по Порт-Артуру еще, по этой...

В.Д.: По Японской войне.

И.Б.: ...по этой кампании. Да. И обратил внимание на меня прямо, и отвел меня... Кроме того, я получил уже образование за границей еще.

* В феврале 1910 года в Военный совет поступило секретное представление за №37, согласно которому при железнодорожных батальонах Европейской России и Кавказа созданы так называемые 5-е автомобильные роты.

” Он меня отвел в сторонку и говорит: «Как вы думаете, здесь, – говорит, – есть смысл?» Я говорю: «Что вы, да разве можно здесь держать автомобильную роту, надо ее куда-то перевести, где шоссе есть, тут же готовить шоферов невозможно». Ну, и вот, если быстро... Он говорит: «Молчите, я переведу всю роту туда, в Вильну».

И он в скором времени перевел роту в Вильну, и я был командир самый младший у Ренненкампа, тогдашнего большого генерала, самый младший командир.

В.Д.: Это уже война началась?

И.Б.: Да. Перед самой той войной.

В.Д.: А Ренненкампа уже <нрзб>?

И.Б.: Командующий войсками Виленского округа был.

В.Д.: Ах, вот как.

И.Б.: Это как же, самый важный округ.

В.Д.: Имя-то я знаю.

И.Б.: Я был самый младший, он даже показывал: «Во! Самый младший у меня командир отдельной части. Смотрите на него, во, — говорит, — идет». Как раз на парадах. Ну, вот, оттуда рота пошла... нас сдвинули сначала на Восточную Пруссию, потом мы двинулись — нас продвинули туда почти до Кенигсберга.

В.Д.: Ах, вы участник этого наступления на Восточную Пруссию*?

* Восточно-Прусская операция (14 августа— 14 сентября 1914 по новому стилю) — первая наступательная операция, предпринятая русскими войсками в ходе Первой мировой войны и окончившаяся их поражением.

И.Б.: На Восточную Пруссию, да. Почти до Кёнигсберга, и там, знаете, под Инстербургом, раньше даже немножко, Шталлупенен, Гумбиннен, Инстербург мы брали, города за городами, мне приказано было моментально забронировать; поскольку мы первый раз встретились с германскими броневыми

машинами — первый раз! — мне приказал генерал Ренненкампф забронировать. Но чем бронировать? Тогда он говорит: «Снимите броню, — говорит, — вот с этих пушек, которые мы взяли у немцев, и можете этой броней бронировать, — говорит, — ваши... Хотя один, — говорит, — создайте грузовик». Я сделал его, и под Кенигсбергом, там, ближе уже, туда даже ездил на этом забронированном грузовом автомобиле фирмы «SPA» итальянской, с двумя пулеметами, и мне приказано было самому ездить, и меня передали в полк, и я там под Алленбургом, под Фридландом уничтожил германскую разведку на нем. А он был замаскирован, сделан из него как будто грузовой автомобиль, с тентом — знаете? — а между тем он был с двумя пулеметами. Но отсюда меня быстро командировали... вся рота наша ушла под Варшаву. Сначала нас двинули...

В.Д.: Ну, а разгром-то <нрзб>?

И.Б.: Разгром Второй армии*...

В.Д.: ...был уже без вас.

* Конец августа 1914 года – разгром 2-й армии генерала Самсонова в ходе Восточно-Прусской операции.

И.Б.: В один прекрасный день мы слышим грохот сзади нас, и нам приказано быстро отходить. Мы отошли на Двинск сюда, на Ковно, Двинск отошли, и сейчас же нам приказано под Варшаву было перейти, Пятой автомобильной роте. Вот мы приехали в Варшаву, а там уже бежали наши войска через Варшаву, потому что немцы были буквально на предместьях Варшавы. Мы попали даже под бомбы там немецкие, так же, как мы попали... под Кёнигсбергом были. Ну, вот тут вот мы быстро продвинулись до Сохачева с нашей армией. В Сохачеве был штаб армии. Мне приказано в это время отдельно быть, связным так называемым. Для этого я взял сто пятьдесят сильный «Бенц», хорошую машину гоночную, и был связным у генерала Ренненкампфа.

Вот здесь мне посчастливилось отхватить у немцев захваченную нашу громадную броневую машину — «Маннесманн-Мулаг» был, с пушкой трехдюймовой*. Только что были тогда сформированы... отряд генерала Добржанского, и вот взвод такого Миклашевского у него, капитана, одну машину бросил почти у немцев, у окопов немцев. А я пробрался, и ее наладил, и немцев под Здунской Волей немножко почистил, сбил там колокольни и прочее, и машину, расстрелявши все снаряды, возвратил на место*. Я мимо проезжал, мне было особое задание, я бросил это и вот эту штуку проделал. Меня генерал Ренненкампф обнимал и целовал, а моему помощнику, которого я научил тоже ездить, так сейчас же навесил Георгиевский крест. «А тебе, — говорит, — мы дадим через Думу Георгиевский крест, не беспокойся»**.

* В воспоминаниях Бажанова читаем: Впереди, возле немецких заграждений, мы увидели наш большой бронированный автомобиль с трехдюймовой пушкой, увязший правым задним колесом в яме. Я скатил Бенц с шоссе и говорю Шалаеву: «Давай попробем к броневуку и попробуем вывезти его из ямы». Мы остановили нашу машину и быстро побежали к брошенному броневуку. Под пулями немцев вскочили в него и закрыли дверцу. Броня была толстая. Внутри обдумали, как действовать. Нам надо было завести мотор, затем выехать из ямы и повернуть пушкой к немцам. Пулеметы с колокольни костела тем временем продолжали стрелять в наступающий полк, и в нем уже было много раненых и убитых. Я попробовал завести мотор стартером — не получилось. Тогда мы решили заводить одновременно и рукояткой, и стартером. Мы потянули жребий — кто первый. Выбор пал на меня. Фельдфебель жал стартер, а я выскочил наружу и крутил рукояткой. Мотор не заводился. Я заскочил внутрь, очередь крутить рукояткой была за Шалаевым. На наше счастье мотор заработал. Теперь надо было повернуть броневую машину пушкой к немцам. Мы открыли люк пола и сбросили под увязшее правое двойное колесо все, что попало под руку: веревки, одежды. Затем я взялся за руль, дал средние обороты мотору и, повернув машину задним ходом на насыпь, вырвал ее из ямы. Навел пушку на костел, на его колокольню, где находились пулеметы. Первый выстрел гранатой снес верхнюю часть колокольни. Пулеметы умолкли. Мы сделали еще два выстрела. Из цепей полка слышалось «Ура». У пехотного офицера я взял расписку о получении броневой пушечной машины и с Шалаевым отправился исполнять поручение в корпус генерала Шейдемана. Как я узнал позже, через час деревянная была взята нашими войсками. Когда мы вернулись в штаб армии, там уже все знали. Командующий армией показал на меня штабистам и сказал: «Вот это молодец! Смотрите, какой подвиг!» И представил к «Георгию», а Шалаева тут же наградил солдатским «Георгием» 4-й степени.

** В послужном списке Бажанова этот эпизод датирован, скорее всего, неверно — ноябрем 1915 года: Был под ружейным огнём противника при вывозе застрявшего автомобиля 1-й автопулемётной роты близь д. Здуны 14 ноября 1915 г. Высочайшим приказом произведён в капитаны 30 января 1915 г., со старшинством 16 ноября 1914 г. Всемилоостивейше награждён за отличную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны, орденом Св. Владимира 4-й ст. 6 декабря 1916 г.

Бронеавтомобиль Маннесманн-Мулаг

* «Маннесманн-Мулаг» — пушечно-пулемётный бронеавтомобиль Вооружённых сил Российской империи. Первая машина данного класса, поступившая на вооружение русских войск. Разработана в 1914 году для усиления 1-й автопулемётной роты. В качестве базы бронеавтомобиля использовано грузовое шасси немецкой фирмы Mannesmann-Mulag. В 1914—1915 годах на Ижорском заводе было построено три экземпляра бронеавтомобиля, использовавшихся Русской Императорской армией в боях Первой мировой войны.

” И всем... всему штабу тогда говорил: «Вот посмотрите на этого молодца. Смотрите, что он устроил сегодня нам. Здунская Воля взята, – говорит, – вон что, смотрите. Только благодаря тому, что он захватил эту громадную машину и расстрелял там все».

В.Д.: И с этой Здунской Воли вы попали уже под Варшаву?

И.Б.: И с этой... Нет, Здунская Воля — это под Варшавой уже...

В.Д.: Ах, простите.

И.Б.: ...Сохачева она впереди была там, она между Сохачевым – Ловичем.

В.Д.: Ага, значит, Варшава тоже была в ведении Ренненкампа?

И.Б.: Варшава – да, его перекинули туда как раз...

В.Д.: Так, ну, а как же...

И.Б.: ...потому что Самсонова-то армия погибла на Мазурских озерах...

В.Д.: А в какие...

И.Б.: ...он сам застрелился, и там едва вылезли из болота эти наши отдельные части, причем некоторые части шли — отстреливались ужасно от немцев, у них остались только части от этих батарей,

они отстреливались и уходили. Все это уходило, потому что немцы благодаря вот этой... путаным этим Мазурским озерам погубили совершенно Вторую армию Самсонова тогда. Вот. И сам он застрелился, генерал, тогда.

Николай II и Военная автомобильная школа

И.Б.: Ну вот, тогда после этого... меня после этой истории заставили возить еще Николая II, тут как раз, на позициях, к Вильне ближе.

В.Д.: А он зачем? Он здесь?..

И.Б.: А черт его знает, не знаю, почему он это. Мне приказано было так — вдруг такое распоряжение: значит, немедленно Бажанову явиться в город Вильну на вокзал. Я являюсь на вокзал, понимаете, значит, неизвестно зачем. Меня жандарм тут... говорит: «Вы поручик Бажанов?» Кажется, я поручик... штабс-капитан, что ли, был. «Вы? — говорит. — Пожалуйста, вас ждет генерал». — «Какой генерал?» — «Генерал Спиридович ждет». Я испугался... думаю, жандарм! — наверно, что я что-то сболтал, я довольно свободно говорил после Франции-то. Я думаю: «Посадят еще меня, черт его знает». Захожу в другой кабинет там на вокзале в Вильне, а он говорит: «Ну, вы что? Ах, вы Бажанов? Ну вот, наконец-то явился, вовремя. Сейчас приходят царские поезда, потрудитесь сейчас же брать машину, там, — говорит, — гараж подходит, — на одном из поездов будет гараж, берите... выбирайте машину и подавайте.

” Вы знаете, кого вы будете возить? Его величество возить будете. Сейчас прибывает поезд». — «Ну, — я говорю, — слушайте, я не умею ездить» (смеется.) Я так думал открутиться от этого дела ... «Это что еще за разговор? Что вы выдумали? Об вас все знают, все давно уже справки сделаны. Потрудитесь брать и выполнять, — говорит. — Подавайте машину». Вот (смеется.)

В.Д.: И что ж — вы, значит, царя возили*, да?

И.Б.: Ну, как же. Я подал тогда, выбрал... подошел поезд, я выбрал машину, подал ему к поезду, как раз к перрону и вот начал его возить**.

В.Д.: Ага, вот эта даже фотография, очень любопытная***.

* В воспоминаниях Бажанова читаем: И вот я — шофер Его Величества. Я выбрал автомобиль Русско-Балтийского завода, машину 24 на 40 л. с.— открытое Торпедо темно-синего цвета, отделанную чудной кожей, с двумя ветровыми стеклами, большими фарами «Цейса» и двуглавым орлом на радиаторе. [...] Однажды надо было повезти царя в военный госпиталь за 40 километров... Указывая на маршрут, Спиридович приказал ехать быстро и нигде не останавливаться. Как только царь сел в автомобиль, я развил скорость 80—90 км/ч; все машины сопровождения отстали и потеряли нас из виду. Привез царя в госпиталь. Выходя из автомобиля, он сказал: «Вот, молодец, довез с холодком! Спасибо!» Я ответил как полагалось по уставу: «Рад стараться, Ваше Величество!» Царь ушел, а спустя некоторое время подъехали генерал Спиридович, местный губернатор, полицеймейстер и жандармское начальство. Спиридович буквально подбежал ко мне, сидящему за рулем. Он был очень взволнован: «Вы с ума сошли! Так возить Его Величество! Вы умчались, как ветер, и мы потеряли вас из виду! Вы понимаете, кого вы возите?» Я ответил ему: «Вы сами приказали ехать быстро и нигде не останавливаться. Я привык, чтобы мне не повторяли приказание». Тогда он, смягчившись, спросил, что сказал царь? Я ответил, что царь меня похвалил и поблагодарил за то, что вез его, как он выразился, «с холодком». Царь, как я помню, всегда был в хорошем настроении: и, когда я в последний раз привез его на вокзал к вагону, он сказал адъютанту: «Передайте от меня ему подарок». А обращаясь ко мне, заметил: «Вы прекрасно меня возили, с вами приятно ездить. Спасибо! Возьмите на память часы. До свидания».

** Из послужного списка Бажанова: Всемилостивейше пожалованы золотые часы с цепочкой за управление автомобилем при следовании государя Императора в г. Вильну 25 сентября 1914 г.

*** Бажанов показывает фотографию, на которой изображен Николай II возле автомобиля. На обороте фотографии надпись рукой Бажанова: 1915 год. Его Величество Николай II покидает госпиталь. В действительности эта фотография датируется 1911 годом, на ней изображен Николай II, выходящий из музея обороны Севастополя, на фоне автомобиля «Делоне-Бельвиль» (Бажанов возил царя на автомобиле «Руссо-Балт», как следует из его воспоминаний <https://sites.google.com/site/inbazhanov/>), за рулем — царский водитель Адольф Кегресс.

И.Б.: Да, как раз... Ну, отсюда я, как он проехал... через несколько дней он проехал дальше...

В.Д.: Царь.

И.Б.: ...Я не знаю, уже больше с ним... в Петербурге я его встречал еще, он видел даже меня, между прочим, на автомобиле, он проехал в Петербург тогда. А меня очень быстро назначили к Секретёву генералу помощником*. Причем я не хотел...

В.Д.: А Секретёв тогда занимал какой пост?

И.Б.: Во главе автомобильного дела всего был.

В.Д.: Автомобильного дела армии?

И.Б.: Да. Всего российского военно-автомобильного дела. Это был глава Высшей учебной военно-автомобильной школы**, где был офицерский класс, подготавливали кадры командиров и были два громадных гаража, один при Царском Селе, другой – под Новгородом, там по шестьсот человек обучалось.

В.Д.: Когда же вы туда попали?

И.Б.: Я сразу, оттуда же, после того...

В.Д.: Из-под Варшавы, да?

И.Б.: ...когда я царя возил вот, и меня уже сразу командировали в Петербург, потому что Секретёв...

В.Д.: Это в каком же было году?

И.Б.: ...Секретёв, когда я еще в Полоцке был и был командирован на Русско-балтийский завод, – он меня там видел, между прочим, — что я на Русско-балтийском заводе был испытателем от военного ведомства. Русско-балтийский завод существовал от 1909 до 1914 годов в Риге, и вот я там практиковался от военного ведомства, и он меня там заметил и сейчас же записал, что я такую штуку делаю там, работы веду.

В.Д.: Так, значит, какой же это год? Раз вы говорите о бегстве из-под Варшавы, то это уже... это уже пятнадцатый год.

И.Б.: Вот, да, значит.

В.Д.: Это уже середина пятнадцатого года.

И.Б.: Пятнадцатый год, да.

В.Д.: И, значит, вы в пятнадцатом...

И.Б.: И меня прямо в Петербург, причем я отказывался, не хотел быть помощником Секретёва — говорю, что «я не умею, я не знаю, я такими делами не... я уже там, на фронте, мне там обещают... солдаты меня любят, я не хочу». – «Как хотите, – говорит, – Иван Николаевич, вы будете моим помощником. Знаете, я вам должен сказать, вот почему: вас никто здесь не знает, вы инженер, подходящий офицер, с фронта. Про нас говорят здесь плохие вещи, а вас никто здесь не знает, у вас никаких связей нет ни с кем, и мне такой помощник нужен, — иначе Государственная Дума меня заключет. Там расходы большие, и тут нечестная публика иногда, так сказать, недовольны, один из помощников у меня немецкую фамилию имеет***. Одним словом, вы нужны. Если вы откажетесь, я вас загоню в Тмутаракань», — так и сказал, вот этим словом прямо. Ну, я говорю: «Хорошо». Тогда он взял — на Семеновском плацу, там как раз поле было скаковое, — выстроил всех офицеров, которые обслуживали, пятьдесят почти предприятий ведь было всяких, которые там возглавляли, а они были малосведущие даже некоторые, и он повел меня под ручку: «Вот ваш новый помощник. Кто не будет слушаться... тут безобразия, в Петербурге гоняют машины, того сейчас же я буду откомандировывать на фронт». Ну, вот я и начал орудовать на Семеновском плацу.

В.Д.: Значит, вы... На Семеновском плацу...

И.Б.: Помощник генерала Секретёва по технической части считался с этого времени.

- * Из послужного списка Бажанова: Высочайшим приказом переведён на службу в Военную автомобильную школу 6 ноября 1915 г. Прибыл и прикомандирован к Запасной автомобильной роте с назначением в распоряжение заведующего мастерскими штабс-капитана Мгеброва 24 января 1916 г. Назначен заведующим мастерскими в гараж «Бенц» 30 апреля 1916 г. Назначен заведующим 2-м отделением мастерских 1-й запасной автомобильной роты 15 мая 1916 г. Назначен на должность инженера механика 1-й запасной автомобильной роты 17 июня 1916 г. Возложено вр. и. д. начальника ремонтной мастерской 1-й запасной автомобильной роты 3 августа 1916 г. Предписано с 12 августа 1916 г. вступить во вр. и. д. помощника начальника Военной автомобильной школы по технической части 11 августа 1916 г.
- ** 29 мая 1910 года в Санкт-Петербурге была создана первая Учебная автомобильная рота, заложившая основы автомобильного дела русской армии. Высочайшим приказом 2 августа 1910 г. Генерал Секретёв назначен командующим Учебной автомобильной ротой. 12 января 1915 года в связи с надвигавшейся войной Учебная автомобильная рота преобразована в Военную автомобильную школу. Высочайшим приказом от 15 января 1915 г. Генерал Секретёв назначен начальником Военной автомобильной школы с зачислением по железнодорожным войскам. Фактически Секретёв был начальником всех автомобильных войск Русской армии.
- *** Имеются в виду обвинения в хищениях, выдвинутые в это время против Секретёва. Вот как описывает это военный министр с 1915 года генерал А.А. Поливанов в своих мемуарах «Девять месяцев во главе Военного министерства»: «...разговор с Государем... вечером в субботу 17 октября 1915 года. Государь. «Я хотел вам сказать ещё, что надо прекратить следствие над генералом Секретевым; оно начато по оговору его недобросовестными лицами и мешает ему продолжать его плодотворную деятельность на пользу армии. Единственная отрасль снабжения, которая с самого начала войны находилась в полном порядке, – это снабжение военными автомобилями, и даже посторонние лица находят преследование генерал-майора Секретева несправедливым». Я. «Генерал-майор Секретев не дал ещё отчёта в израсходовании данных ему при бывшем военном министре крупных сумм, и ещё по распоряжению генерал-адъютанта Сухомлинова была образована для выяснения этой отчётности особая комиссия». Государь. «Денежную отчётность можно требовать, но всякое другое следствие надо прекратить». Цит. по: С. Кирилец, В. Канинский. «Автомобили Русской Императорской армии. «Автомобильная академия» генерала Секретева». Недоверие (по подозрению в шпионаже) также вызывали во время войны люди с иностранными (особенно немецкими) фамилиями.

Унтер-офицер Маяковский, Ленин и спасение Секретёва

В.Д.: Спасибо, Иван Николаевич. Ну, вот теперь перейдем непосредственно к тому, как появился... Помните вы, как у вас появился Маяковский, какое он на вас впечатление произвел, и все... словом, все, что вы в этой связи помните. Пожалуйста.

И.Б.: С Маяковским я встретился уже в нашем хозяйстве автомобильном в Петербурге. У нас все хозяйство расположено было около Царскосельского вокзала тогда. Три было здания построено. В первом здании канцелярия, учет всего имущества, которое мы получали из разных стран, и формировали роты, санитарные отряды, мастерские; второе было здание где мы жили все, и третье то же самое, а четвертое — дальше был большой гараж, из которого подавалось ежедневно почти несколько сот машин различным людям, генералам различным, начальникам Генерального штаба, Сухомлинову — военному министру — и другим. Даже мадам Сухомлинова и то имела машину у нас специальную, «Рено» ей подавалось, и она была недовольна, что у нее шляпа задевает верх, и просила переделать эту машину. Подавалась одна машина Распутину ежедневно, так приказано было, я командировал туда «Опель» закрытый, хорошая... лимузин такой большой. Ну, и другим начальникам всяким.

В.Д.: Машины разных марок были.

И.Б.: Машины разных марок, это были машины многочисленных марок, потому что одна фирма французская «Рено» и то имела несколько типов машин у нас. Так что в общей сложности у нас были все машины всевозможных марок – я не помню, их сколько, больше ста различных типов оттуда подавалось.

И вот в этой канцелярии — в первом корпусе была такая канцелярия, где велся учет всего того имущества, которое мы получали из-за границы и направляли на фронт и для формирования рот. На этом учете сидела целая куча солдат у нас, среди них был как раз один — Владимир Маяковский*. Это был солдат высокого роста, с погонами унтер-офицера, у него было две лычки на погонах. Ну, с ним сидели еще другие, но он главным образом на учете того имущества сидел, которое выдавалось — как более грамотный, конечно, человек — выдавалось автомобильным ротам при их формировании. Вот однажды я захожу в канцелярию... А мне некогда было, ведь у меня было столько народу всякого, ежедневно получали от меня миллион распоряжений, сам я был с утра до вечера занят совершенно, я был холостой, занят был совершенно. Служил я, правда, в это время не только в Автомобильной школе, а я еще мне разрешено было в Красном Кресте помогать; потом негласно уже я еще [служил] в двух предприятиях —

это бельгийское Общество спальных вагонов, где я командовал ихней мастерской, заезжая туда всего на час, может быть, иногда только, и еще акционерное общество «Русский самоход»**, где я им помогал, консультировал, как выписывать машины из-за границы. Ну, это все, так сказать...

В.Д.: ...совместительство.

И.Б.: Совместительство.

В.Д.: А основная работа...

И.Б.: Главная моя была работа — Семеновский плац, Военно-автомобильная школа и Красный Крест, с разрешения военного министра, где я у них показывал... Гаражи у нас были расположены по Петербургу в разных местах, в том числе мне каждый день почти приходилось проезжать мимо дома Кшесинской***, на котором, вот как раз с балкона, я видел Ильича, когда он выступал. Я подъезжал даже сам так близко, что видел его на несколько метров буквально. И он выступал перед толпой, он рассказывал, что хотят... их партия. Я, проезжая утром, вот когда он уже прибыл потом и расположился...

* В 1915—1917 годах Маяковский по протекции Максима Горького проходил военную службу в Петрограде в Учебной автомобильной школе.

** Акционерное общество «Русский самоход» — одна из фирм, занимавшаяся ремонтом военных автомобилей.

*** Дом Кшесинской (улица Куйбышева (Большая Дворянская ул.), д. 2—4 / Кронверкский проспект, д. 1). Во время Февральской революции балерина Матильда Кшесинская с сыном покинула свой особняк. Здание было занято солдатами мастерских запасного автобронедивизиона. По договоренности с ними Петербургский комитет РСДРП, его военная организация, а затем ЦК РСДРП переехали в особняк. С 3 (16) апреля 1917 по 4 (17) июля 1917 здесь работал и произносил речи с балкона особняка В.И. Ленин.

В.Д.: Ах, это вы его слышали как раз...

И.Б.: Да.

В.Д.: ...в апреле?

И.Б.: Вот я не помню, не помню я эти месяцы и всё, но я проезжал обыкновенно на такой небольшой гоночной машине, которая называлась «Синяя птица».

Я подъезжал, значит, — «что же, — думаю, — говорит Владимир Ильич?» Вот он тут стоит передо мной буквально, знаете...

В.Д.: То есть Ленин...

И.Б.: Да, да.

В.Д.: ...Тогда его Владимиром Ильичом не называли.

И.Б.: Да, так. Ну, вот я это между прочим. А вот Маяковского я ... Однажды зашел и говорю: «Кто у вас тут ведет учет?» Он говорит, что «а вот Стейнер, потом Маяковский ведет и еще другие». Мне что-то надо было спросить. Ну, я разговорился. Маяковский встал, как полагалось, я же все-таки начальник был в отношении его большой, с правами начальника дивизии как бы. Ну, я вижу, что этот солдатик очень грамотный, поговоривши так с ним, очень грамотный, толковый и умно отвечает так. Я разговорился... А он говорит: «А вот, ваше высокоблагородие, хотите прочитать мое новое произведение? Я поэт, — говорит, — я занимаюсь... пишу, — говорит, — стихи». Ну, я говорю: «Давай-давай, я прочитаю сейчас». Я когда начал читать... Он показывает: «Облако в штанах». Я совершенно не понимал эту вещь и говорю, что, «слушай, я как-то к твоей... к твоей поэзии не привык прямо, я воспитывался на Пушкине...»

В.Д.: Но вы его не обложили тут же?

И.Б.: Нет, я не обложил, я очень отнесся к нему хорошо, <нрзб> великолепно, чего же, я все-таки когда-то слушал Игоря Северянина там в Париже — мне не нравилось, а тут как будто такая литература такая более пролетарская у него, мне даже понравилось немножко.

В.Д.: Но у вас-то ведь к пролетарской литературе никаких симпатий тогда не могло быть?

И.Б.: Но я ему говорю, что «я не понимаю, я тебя не понимаю, все-таки я как следует не понимаю». Ну, он говорит мне в это время, оригинально довольно: «Ну, – говорит, — конечно, — ваше высоко... Вы, — говорит, — еще не доросли». Я, смеясь, ему отвечаю:

” «Слушай, ты знаешь, что я начальник, и ведь я могу тебя за... так сказать, за подрыв моего авторитета посадить на тридцать суток шутя. Но ничего-ничего, валяй, конечно, пиши».

«А как солдаты?» А солдаты – там, Стейнер говорит: «Да он нам читает вот, мы его считаем вон верзилой, — говорит, — с нами он спит, там, в общежитии. И он нам читает свои произведения, но мы, – говорит, – не совсем тоже понимаем его литературу». Вот так у меня небольшое знакомство с Маяковским и началось.

В.Д.: То есть вы его запомнили?

И.Б.: Я очень хорошо его запомнил, и вот в следующие [разы] когда я его часто уже видал потом, когда мне приходилось к нему обращаться по разным вопросам, технического характера: записано ли, допустим, имущество, которое мы выдаем в Двадцатую роту и так далее... А после этого как раз мне пришлось с ним довольно серьезное дело делать. Когда началась революция, то однажды я проходил мимо... по Семеновскому плацу, и один из солдат подходит ко мне и говорит: «Слушайте, я хочу вас предупредить. Вон видите, на той стороне с винтовкой сидит моряк какой-то, он целится. Вот Секретёв когда выйдет, он его застрелит». Это уже когда совершилась революция. Я думаю себе: «Черт возьми, надо Петра Ивановича предупредить. Черт, зря же убьют человека. Может еще...» Я тогда обошел двор и зашел к Секретёву с обратной стороны туда, зашел к нему и говорю: «Петр Иванович, спасайтесь, и Ольга Ивановна (его жена) спасайтесь, пожалуйста, тут будет целый... не подходите даже к окну. Вон там, смотрите, через занавеску смотрите хорошо, пока незаметно, вон там человек, вон с винтовкой, это вас караулит». – «Что же делать?» А я говорю: «Я сейчас побегу к Маяковскому в Первый корпус*, он там председатель вроде месткома**, и мы с ним поговорим».

В.Д.: Солдатского комитета?

И.Б.: Пошел я к нему тогда... да... пошел я к нему и говорю:

* В воспоминаниях 1974 года, хранящихся в музее Маяковского, Бажанов этот случай описан так: «Бажанов шёл к Секретеву. Внизу, у двери стоял солдат с винтовкой. «Ты чего тут стоишь?» — спросил Бажанов. «Да вот жду, как генерал выйдет, я застрелю его». — «Ну жди, жди». А сам пошёл наверх, предупредил Секретева, чтоб не выходил, не подходил к окнам, сам сел в машину и помчался к Маяковскому, о котором знал только, что тот председатель Комитета солдатских депутатов. Услышав о назревавшем самосуде, Маяковский поспешно сел в машину Бажанова. Подъехали с чёрного хода, взяли Секретева и отвезли в Думу». Цит. по: Война и мир Маяковского (1/VIII/1914 – 15/III/1918). М.: Радис-РРЛ, 2008. С. 72–73 Из этого рассказа следует, что Бажанов до этого времени мог быть не знаком с Маяковским.

** Маяковский не был председателем месткома (Комитета солдатских депутатов).

” «Слушай, Владимир, надо что-то сделать, генерала нашего убьют, зря же, давай устроим что-нибудь. Может быть, ты согласишься свезти его в Смольный к Владимиру Ильичу? А там пускай распорядится — может быть, он в будущем пригодится».

В.Д.: Но только вы тогда наверняка не говорили «Владимиру Ильичу», а сказали «к Ленину», правда?

И.Б.: К Ленину, да. Я...

В.Д.: Это теперь уже...

И.Б.: ...пожалуй, что да. Я не помню, как я сказал. Нет, кажется, я даже говорил тогда, потому что все-таки

у меня солдаты некоторые говорили «Владимир Ильич», вот Ленин. Ну, я говорю – может быть, я «к Ленину» сказал прямо. Ну, мы сговорились с ним. Так и сделали. Обвели генерала по двору, попросили подать закрытую машину, Маяковский сел и увез нашего генерала. И увез...

В.Д.: Значит, Маяковский увез...

И.Б.: Увез прямо к Ленину в Смольный*. Дальше я не знаю, как генерал, кто его отвез на финляндскую границу, не знаю — но знаю, что только наш генерал очутился где-то за границей.

* С 3 марта по 31 октября 1917 года генерал П.И. Секретев содержался в заключении в Петропавловской крепости. После освобождения служил в Донской армии. Осенью 1919 года был командирован во Францию для организации поставок автомобилей и броневиков для нужд белой армии.

«Ишь, продался! Привезли какого!»

В.Д.: Прошу вас, Иван Николаевич, продолжайте. Значит, в дальнейшем... Вот этот эпизод с...

И.Б.: В дальнейшем...

В.Д.: ...Какие встречи еще были?

И.Б.: Я с Маяковским в этот момент расстался, потому что я был переведен в Главное военно-техническое управление, и мы с правительством потом переехали в Москву, я был в Коллегии по обороне в секции...

В.Д.: Временного правительства, да?

И.Б.: Да, уже при... Не-е-ет, это уже в Москве, когда переехали в Москву. А Временное правительство, когда Керенский был, то Керенский меня хотел даже посадить одно время, меня, за...

В.Д.: Простите, Иван Николаевич, я вас перебыю, тут я немножко потерял связь. Значит, вы с Маяковским... Вот то, что вы говорите о...

И.Б.: Да.

В.Д.: ...вот это... об учете...

И.Б.: Генерала мы отправили...

В.Д.: Нет-нет-нет, нет, сначала. Вот то, что вы говорили раньше, о том, как вы с ним познакомились, — это происходило до Февральской революции или после? До, наверно.

И.Б.: Это было уже в момент, когда...

В.Д.: Нет, знакомство, знакомство.

И.Б.: Нет, знакомство-то до было.

В.Д.: До. Вот когда вы вошли, <нрзб>...

И.Б.: Знакомство – до этого...

В.Д.: ...и когда он вам так сказал.

И.Б.: ...а отправление генерала — когда уже Ленин находился в Смольном.

В.Д.: То есть непосредственно...

И.Б.: Да.

В.Д.: ...вот перед Февральской революцией... (*поправляется*) перед Октябрьской революцией.

И.Б.: Да, уже когда совершилась революция.

В.Д.: А вот о самой Февральской революции вы ничего не рассказали.

И.Б.: Ну, видите, Февральская революция — у нас тогда в Военно-автомобильной школе генерал еще думал, что все это временное, и даже приказывал...

В.Д.: Участвовала в военных действиях на той или другой стороне в Петербурге Военно-автомобильная школа?

И.Б.: Нет, я вам должен сказать так. В это время как раз почему-то меня назначили формировать отряд особого назначения Петропавловской крепости. Я почувствовал, что... вот эту заваруху всю, которая началась уже тут, я считал, что надо вообще подождать, ничего не делать, хотя часть машин уже была приготовлена. Мы могли бы тогда черт знает что надумать, потому что генерал требовал от меня, чтоб я распорядился, и броневые машины никому не давал, и пулеметы доставил на Семеновский плац. Я его убеждал: «Петр Иванович, что вы — с ума сошли? Что вы — против народа, что ли, будете стрелять? Я отказываюсь, — говорю, — я прямо отказываюсь такие вещи делать».

В.Д.: Простите, я вас опять перебую. Иван Николаевич, ну, вообще ваши тогда настроения были какого... ну, так, грубо говоря...

И.Б.: У меня лично?

В.Д.: ...кадетские, эсеровские?

И.Б.: Лично у меня?

В.Д.: Да.

И.Б.: У меня лично было такое настроение, что я считал, что керенщина вся нам не подходит, что нам более подходит, так сказать, то направление, которое предлагал нам Ленин.

В.Д.: То есть у вас были какие-то...

И.Б.: Да.

В.Д.: У вас — у офицера, капитана, кадета...

И.Б.: У других — другое, но у меня лично было такое впечатление, что надо нам взять сторону народа, ни в коем случае не пойти против народа. И я выступал даже в Инженерном замке среди генералитета, выступал в [Генералитете] армии и флота там, но везде почти гнали, и кричали, и освистывали: «Ишь, продался! Ишь, продался! Привезли какого!» Ездил я с комиссаром Гречиковым там тогда, я помню. А вот позже немножко, когда у меня был уже некий ...комиссар Елин, то тот прямо мне сказал: «Иван Николаевич, можно, говорит, мне взять броневик — подать туда на Финляндский? Приезжает Ленин». Я говорю: «Так что ж? Давай бери!» А тот офицер у меня, инженер, Карпов некоторый, который в момент уже, когда произошла революция самая, мосты разведены были, звонил даже с той стороны и говорит: «Что мне делать? Толпа подходит к гаражу «Бенца» бывшему. Там броневые машины ремонтируемые. Сообщите мне, что я должен делать». Я говорю: «Николай, вот что делай, открой им, — я говорю, — двери, дай все эти броневые машины этим ребятам, а сам сними с себя погоны, надень штатское платье и наблюдай с той стороны из окна, что творится, только, больше я тебе ничего не могу распорядиться, против народа мы не пойдем». *(Смеется.)*

В.Д.: Ну, а Секретёв был очень монархически настроен?

И.Б.: Секретёв же — он был жуткий... Конечно. Ну, как же, когда он лазил все время туда, к царствующему дому, потом он льнул все время к Распутину. Я же вам не рассказал, как он меня однажды позвал, когда Распутин с Вырубовой приехал в Военно-автомобильную школу просить за своего, там, одного есаула. И через несколько минут приема этого — я сам присутствовал в это время тут, и видел Распутина, и разговаривал с Вырубовой — вызвали меня, и мне передали бумагу на руки, где было написано: «Капитану Бажанову к немедленному исполнению». Я спрашиваю генерала: «В чем дело? Что вы хотите?»

— «Вот, Иван Николаевич, пожалуйста, не возражайте, вот к вам есаул явится, сегодня же его назначьте к вам в техническую часть». — «Ну, слушайте, чего же, он знает только лошадей, — я говорю, — чего ему делать у нас?» — «Слушайте, не возражайте, так надо. Исполняйте идите, — говорит, — это». Тогда я вынужден был позвать есаула, уже инженера, который заведовал шинными у нас делами всеми, я говорю: «Вот тебе другой есаул, [делай] что хочешь. Генерал сказал, что назначает его хоть заведовать старыми шинами, потому что это родственник будет Распутина теперь, он женится на его дочери». Вот. (Смеется.) Вот, понимаете, дела какие были тогда. И генерал наш бегал к Распутину тоже, как все... многие, так сказать, в то время, за протекцией. Даже один из наших офицеров Автомобильной школы, был такой Халютин, и тот изловчился бывать у Распутина на Гороховой в его приемной. Черт его знает, что ему нужно было.

В.Д.: Да, но у вас связи никакой не было с тогдашними социал-демократическими группами?

И.Б.: Нет, мы же... мы же были...

В.Д.: То есть у вас все-таки настроение было такое беспартийного...

И.Б.: Мы же совершенно вне политики, мы ничего не понимали, армия вне политики, мы ничего не знали, что делается кругом, не знали ничего, мы оторваны были как-то.

В.Д.: Но у вас не было таких... Ведь вы не из аристократической среды?

И.Б.: Я... дак нет, из самой... какой же там аристократической?

В.Д.: Служилой.

И.Б.: У меня отец же был ... дворянство-то получил когда он? Когда сделался директором уже... продвинулся по... он же был управляющим Государственным банком в конце, а начал он мальчишкой! Мальчишкой.

В.Д.: А, значит, у вас такая более... не дворянская, а скорей буржуазно-чиновническая.

И.Б.: Да, такая, знаете...

В.Д.: Он что был — вы говорили, управляющим Имперским банком?

И.Б.: Да, отец у меня был из Перми, кончил церковно-приходскую школу, очень талантливый человек, сам пролез, был мальчишкой в банке, потом его назначали, и вот он пролез, в конце концов в Петропавловске он уже был контролером, а потом управляющим в Омске наконец. А вот одна из... У нас большая семья была довольно, нас человек восемь было в семье. Ну, воспитывались мы просто очень. Одна из моих сестер вышла замуж действительно за барона Таубе, инженера путей сообщения в Омске...

В.Д.: А, помню.

И.Б.: ...потому что красивая женщина была, и... Она потом пела, она выступала, в Петербурге уже, в Народном доме даже.

В.Д.: Инженер... Это министр путей сообщения.

И.Б.: Бывала часто у Вышнеградских, это министр финансов времен Керенского, у него была собственная яхта, он в шхеры ездил на собственной яхте вместе с яхтой Николая II. Вот сестра бывала у них и пела. Из-за этого... вот это мне, между прочим, потом припаяли, что «у вас, — говорят, — как же, сестра баронесса».

«Да, — я говорю, — какая баронесса, это от слова „баран“, что вы». Это как раз Ежов мне говорит: «У вас сестра баронесса, вот, смотрите она». — «Ну да, — я говорю, — она правда, но какое имеет отношение? Она вышла замуж за него».

Так ведь мы же, даже когда... барон-то Таубе — он наместник был Сибири, и в Омске был, так мы же не бывали даже никто во дворце-то, не подпускали близко нас.

В.Д.: Так, ну, а с Маяковским, значит, вам...

И.Б.: С Маяковским...

В.Д.: Вот я все-таки не уловил вот что: в Февральскую революцию вы где были — там?

И.Б.: С Маяковским... Нет, я с правительством передвигался в Москву. В то же время, когда все правительство переехало в Москву, и мы переехали, Главное военно-техническое управление.

В.Д.: Это какое правительство — это советское уже?

И.Б.: Вот советское, да.

В.Д.: Нет, я говорю, но вот я не совсем понимаю, вы очень перескочили тут. Вот я понял, вы встречались с Маяковским еще в старое время — он вам говорил «высокоблагородие»...

И.Б.: Да.

В.Д.: ...а вы ему говорили: «Ты, Владимир».

И.Б.: А потом я встречался с ним здесь, на Ярославской дороге, иногда.

В.Д.: Уже при советской власти?

И.Б.: Это... Да, при советской власти. Но я как встречался — случайно. Он иногда проходил, он узнавал, конечно, меня хорошо, мы с ним тепло шутили, говорили, но так, о пустяках, ну, и он проходил. Больше я с ним не имел никаких дел, с Маяковским, после.

В.Д.: Значит, вот этот эпизод спасения генерала Секретёва...

И.Б.: Да.

В.Д.: ...это основное, что...

И.Б.: Это был эпизод, и вот разговор мой о его произведениях в канцелярии, когда я читал одно из его произведений и говорил ему, что я не совсем понимаю это, — вот это эпизоды, когда...

В.Д.: А вы ему упоминали о Северянине?

И.Б.: Я ему говорил тогда: «Слушай, я вот Игоря Северянина в Париже слушал один раз, но мне не понравилось там, уж очень слащаво, а твое немножко тверже, — я говорю, — но в то же время мне малопонятно еще».

В.Д.: А вы так держались более демократично?

И.Б.: Да, я... да, конечно, потому что я же был и выбран, и солдатами даже, солдаты меня оценили, я же выбранный начальник был. Почему они меня не пустили в Смольный работать? Там приехал... один из наших шоферов: «Иван Николаевич, Владимир Ильич желает, чтобы вы, — говорит, — поехали в Смольный работать, там некому работать». Я говорю: «Я поеду с удовольствием, но как же? Я же начальник выбранный, солдаты-то не пускают. Ты скажи Владимиру Ильичу, что меня солдаты не пускают, я выбранный, а тут у нас громадное количество предприятий, кто же будет возглавлять все это? Я единственный тут остался, который в курсе дел всех».

В.Д.: Это уже после того, как генерала Секретёва не было?

И.Б.: Да, уже когда не было генерала Секретёва, нельзя было мне поехать, и солдаты говорили: «Мы скажем сами там, что мы вас не можем пустить туда». Вот. Ну, вот так, знаете, прошло это все. *(Перерыв в записи.)*

В.Д.: Простите, значит, вы...

И.Б.: ...но я не выполнял распоряжений генерала.

В.Д.: Значит, всю Февральскую революцию вы были в Военно-автомобильной школе, но, вы говорите, не выполняли распоряжений...

И.Б.: Не выполнял, потому что они все сводились к действию против народа, действию оружием против народа, чтобы наших солдат заставить стрелять из пулеметов и так далее, если подходят, открывают ворота. Допустим, открывает ворота толпа – стрелять в нее. Я [на] это не мог согласиться и не желал даже, говорил, что я не буду выполнять такие вещи. Он от меня требовал, чтоб я пулеметы с той стороны привез, из-за Невы, скорее. Зачем? Что мы не подпустим, не позволим толпе разбирать машины.

В.Д.: А вот в эти дни вы Маяковского не видели?

И.Б.: Нет, Маяковский в это время куда-то исчез, я не знаю, куда он исчез, он уже, видимо, в этот момент, когда... после того, когда генерала отвез, я больше его не видал, понимаете? Не видал его, не встречался. Только встречался...

В.Д.: Но простите, генерала отвез – ведь это ж позже было? Это уже в Октябрьскую?

И.Б.: Позже, это позже, да.

В.Д.: Да, это в Октябрьскую, а я говорю, а вот в дни Февральской революции вы Маяковского не встречали там?

И.Б.: Тут... он у нас в канцелярии сидел, видно.

В.Д.: Продолжал сидеть?

И.Б.: Продолжал сидеть, тут же учет имущества все время был. Ведь мы формирование-то производили все время, даже при керенщине, формирование частей.

В.Д.: И Секретёв во время керенщины оставался начальником Автомобильной школы?

И.Б.: Он оставался, да.

В.Д.: ...Или его после Февральской?..

И.Б.: Нет, его... нет-нет-нет, он оставался все время, и когда уже Ленин был в этом... как его?..

В.Д.: Смольном?

И.Б.: ...Смольном только, тогда его отвез Маяковский туда и сдал в комендатуру там. И, конечно, он предупредил, вероятно, тоже или спросил, что делать с этим генералом. Туда свозили многих в то время людей.

В.Д.: Да. В Смольный вообще... входило все. Но это, значит, уже непосредственно после двадцать пятого октября.

И.Б.: Да, я... по датам я боюсь, перепутаю, Виктор Дмитриевич.

В.Д.: Нет, ну, дата есть... дата есть двадцать восьмое февраля и есть дата двадцать пятое октября.

И.Б.: Вот я прямо боюсь...

В.Д.: А вот вы видели Ленина с балкона Кшесинской...

И.Б.: А вот это я...

В.Д.: ...это было летом.

И.Б.: ...это я... Когда он приехал еще ... с Финляндского вокзала его доставили прямо во дворец Кшесинской. А мне приходилось проезжать мимо этого [дворца] всегда в гараж на Дивенской так называемой, там у нас тоже был большой гараж, на Дивенской. И я проезжал на своей машине, такой открытой, гоночной, двухместной, всегда проезжал туда распорядиться что-нибудь, и вот... а тут я вижу, что вот он выходит... я не говорю, что «Владимир Ильич», говорили «Ленин»: «Вот Ленин, смотрите, вон этот маленький человек, вот он выходит». На балконе стоит вот так вот, наклонившись, вот так, а тут толпа. Ну, я подъезжал сюда, толпа не очень большая, мы слушали, что он говорит. Разговор был о том... он говорил, что, собственно, требуют они, что хотят. Я не помню содержания даже.

В.Д.: Но вы относились к этому... Я уж просто...

И.Б.: Я относился...

В.Д.: ...К этому, так сказать, ну, безразлично...

И.Б.: Я...

В.Д.: ...раздраженно...

И.Б.: Я...

В.Д.: ...или более-менее сочувственно?

И.Б.: Нет, я, знаете, не раздраженно, я уже...

В.Д.: Ну, говорили – немецкий шпион и так далее.

И.Б.: Поскольку я был во Франции уже переделан за время пребывания моего несколько лет за границей, я уже вообще был переделан совершенно. Я относился к этому серьезно, только я не знал, чем же это кончится все, потому что я был не в курсе дела, что делается на юге в это время, в белых армиях, там, прочее, я только твердо себе тогда сказал, что я не пойду... не пойду в эти армии никуда, там, на юг, я остаюсь с народом; как бы мне плохо ни было, но я остаюсь с народом. В таком виде я и выступал в Инженерном замке, куда меня привезли нарочно показать: вот офицер выступает, и в здании армии и флота, где, когда я выступал, кричали: «Убирайся! Что он глупости говорит? Что он там? Продался большевикам! Черт возьми!» Понимаете, вот так (*смеется*.)

В.Д.: А в Красной...

И.Б.: А я тогда убеждал, что, «товарищи, не нужно же, что вы, с ума сошли саботировать или что-нибудь, ведь это же народ хочет организовать все, надо же пойти навстречу всем нам». Ну, вот так.

В.Д.: Ну, и что же — вы в Красной, так сказать, уже...

И.Б.: В Красной Армии я и был, перешел прямо в Красную Армию, был в Главном военно-техническом управлении старший инженер.

В.Д.: А Главное техническое управление...

И.Б.: Оно перешло сюда же вместе с правительством. Оно было на Новинском бульваре в доме князя Мещерского, это большой дом, [там] расположилось. Сначала мы были в Загорске, заняли помещения вот этих монахов различные, туда же была переведена Военно-электротехническая школа и мы, Главная техническая, через некоторое время. Я в это время как раз был командирован уже Главным военно-техническим управлением в распоряжение Восточного фронта. Приехал в Арзамас, мне там ревсовет говорит: «Вы единственный, который можете нам наладить сейчас эти колонны автомобилей, нам нужны автомобили. Они разбросаны, восемнадцать тысяч, больше, может быть, даже, и черт знает, никто не может наладить. Берите», – говорит. Я говорю: «Да, я могу, если вы мне дадите... я напишу мандат и вы подпишите». Вот они мне подписали мандат. Мандат у меня есть в копии, теперь прислан мне как раз этим архивом. Этот мандат... Главное, интересно, из этого мандата архив почему-то три основных пункта...

почему-то, давая мне копии — я нотариально их засвидетельствовал — почему-то вычеркнул эти... не вычеркнул, а прямо пропустил их. Эти три были пункта такого рода, что «Бажанов имеет право в целом или частично передоверить свой мандат». Второе, «Чрезвычайная Комиссия не имеет право арестовывать инженера Бажанова». Третье, «инженер Бажанов имеет право брать из любых тюрем, кого ему нужно». И вот я тогда как раз из Бутырской тюрьмы потребовал шестьдесят человек, и мне их в Нижний Новгород, где я выбрал место формирования, прислали с одним милицейским прямо сейчас же.

В.Д.: Инженер.

И.Б.: Да.

В.Д.: Ну, и вам... Значит, Маяковского уже тогда...

И.Б.: Маяковского я уже не видел в это время, потому что после этого я... Вернувшись опять в Москву, я первые колонны выпустил, и вовремя, в срок, они пошли на усмирение в Казань. Потом меня командировали с Кедровым, комиссаром Кедровым, в Архангельск, где нужно было восстанавливать электрические станции и прочее. А после этого я, вернувшись, работал уже – перевели меня в связь к Довгалевскому, тогда министру связи. Я у него был инженером для поручений, восстанавливал Ходынскую радиостанцию большую. И после этого я был уже доцентом в Ломоносовском электромеханическом институте, ... читал лекции в кафедре Чудакова там.

В.Д.: Потом строили метро.

И.Б.: Да, потом строил метро, потом меня назначили в авиацию, Восемьдесят четвертый самолетный, я главным инженером был, потом меня перевели в «Дирижаблестрой» к Нобиле как раз начальником производства в Долгопрудную, пошло это, вся эта история.

В.Д.: Это, значит, до репрессий?

«Вы не думайте, что вы арестованы, вы изолированы»

И.Б.: ...арестовали. Я был главным электромехаником Всесоюзной выставки тогда, нас всех арестовали, сказали, что «вы не думайте, что вы арестованы, вы изолированы, а вы поедете на Средний Урал, постройте нам завод там алюминиевый, — говорит, — вот вы опытный человек, — говорит, — вам там создадим условия, дадим там <нрзб>».

В.Д.: И у вас действительно были сносные условия?

И.Б.: Как сказать, ну, относительно с другими — конечно, да. Я, во-первых, был бесконвойный, имел везде доступ буквально...

В.Д.: Просто как крупный специалист.

И.Б.: Да-да-да. Ездил — даже у меня был билет между Свердловском и Самой по железной дороге. Я мог удрать. Меня приглашала Комиссия НКВД и говорила: «Вы что — не убежите, если?..» Я говорю: «Я прямо вам говорю, я обязательно убегу, я охотник, если мне нужно будет. Сейчас мне нет никакого расчета, вы же начнете репрессии против моих родственников, я не желаю этого совершенно». — «О! Смотрите, какие вещи говорит». — «Ну, а что же мне дальше делать? — я говорю. — Ведь я же здесь сижу-то ни за что ни про что. Зачем это меня здесь [держат]? Отпускайте меня тогда». — «Ну, хорошо, но вы нам осветите эти лагерные участки все, мы потом будем хлопотать». Это мне как раз Потапов, отец вот этого Потапова Анатолия [говорил].

В.Д.: Какого?

И.Б.: Он маленький еще... Вот этот, который по радио выступает, Анатолий Потапов, он был еще Толькой, маленьким, я его еще учил там электрооборудованию автомобилей.

В.Д.: Так. Из лагеря вы когда освободились?

И.Б.: Я из лагеря в сорок третьем году освободился, а реабилитирован в пятьдесят пятом был. До этого времени я находился в Александрове...

В.Д.: Понятно.

И.Б.: ...и во Владимире. Меня там, конечно... я нужный человек был там, совершенно, особенно по высоковольтным линиям специалистов тогда мало было как раз.

В.Д.: И, когда реабилитировали, то вы вышли на пенсию?

И.Б.: Я, когда реабилитировали, вышел... Пенсия была маленькая, что-то двадцать рублей, я не помню, а потом я достал документы, начал... и вот пенсию я добился уже в пятьдесят пятом году, когда был здесь.

И.Н. Бажанов беседует с В.Д. Дувакиным. 20 октября 1975 года (вторая встреча). Фото М.В. Радзишевской

Встреча с Маяковским на Ярославской железной дороге

В.Д.: Вы вот когда пришли, вы мне говорили... что-то упоминали в связи с Маяковским о желтой кофте. Это понаслышке или вы его видели?

И.Б.: О чем?

В.Д.: О желтой кофте.

И.Б.: Нет, я его раз...

В.Д.: Или вы видели его?

И.Б.: ...Раз видел в желтой кофте.

В.Д.: Где?

И.Б.: На Ярославской дороге он ехал. Он куда-то на дачу ехал...

В.Д.: Она была вся желтая?

И.Б.: ...и проходил как раз... А мы сидели с женой в вагончике Ярославской дороги как раз, электрички тут. И вот он проходил тогда. Почему он был так одет как-то непонятно? Тогда говорит: «А это Маяковский, — говорит, — он сейчас, — говорит, — футуристом сделался». Я не знаю, я не интересовался ведь совершенно.

В.Д.: Простите, но ведь вот тут некоторая, так сказать, опять-таки во времени неувязка получилась.

И.Б.: Да, возможно...

В.Д.: В желтой кофте он ходил до того, как он у вас стал этим... вот писарем. Вы его...

И.Б.: Стойте.

В.Д.: ...Могли вы его видеть?

И.Б.: ...Когда я... понимаете... Ну, я помню, что желтая такая.

В.Д.: Или вы, может быть, только слышали про эту желтую кофту, она была... газетами трепалась. Мне интересно, что как он мог [нрзб].

И.Б.: Стойте-стойте, дайте мне припомнить. (*Перерыв в записи.*)

Не мог до этого, до революции я ничего... не имел понятия об нем, до революции я не знал его совершенно.

В.Д.: Ну как же? Ведь вы же говорите, что...

И.Б.: До революции... Нет, кроме Учебной автомобильной роты...

В.Д.: Ну, да, вы не знали...

И.Б.: ...я его не знал.

В.Д.: Но простите, но ведь он же вам *там* говорил, стихи читали.

И.Б.: Стихи он там читал.

В.Д.: А вот стихи с желтой кофтой никак не связывались для вас?

И.Б.: Нет, для меня не связано это.

В.Д.: Вы тогда не слышали о том, что он ходит в желтой кофте?

И.Б.: Нет... Нет, я слышал, что он сделался футуристом, мне позже рассказывали.

В.Д.: А тогда для вас это «Облако в штанах», для вас эти... литературный шум о футуристах до вас не доходил.

И.Б.: Да черт его знает, но до меня не доходил, я не интересовался. Я вам только случайную такую встречу рассказал, а я не интересовался Маяковским тогда совершенно, до этого.

В.Д.: Но его... все-таки как...

И.Б.: Да и некогда мне было. Смотрите, где же мне, понимаете...

В.Д.: Ну, это понятно.

И.Б.: ...интересоваться...

В.Д.: Да, ну, а вот когда вы... Меня немножко, так сказать, тон разговора, как вы... заинтересовал, как вы передали. Значит, выходит... Вообще, возможен был такой тон разговора все-таки с начальником? Значит...

И.Б.: Это вот прямо меня удивило... я... прямо удивило...

В.Д.: Значит, он встал.

И.Б.: Меня... Возможно почему было? Он же сидел в первом здании и вел... на учете, а я был... ведал технической частью, так что я непосредственно к нему не имел ежедневно дела, но я был начальник. Поскольку я помощник генерала, я вообще был начальник всех их. Но, так сказать, он позволил себе, я не знаю, почему – потому что я полушутливый такой тон с ним... у меня был всегда полушутливый.

В.Д.: Он стоял, так сказать, вольно?

И.Б.: Он стоял вольно и... Ну, я не помню, что мы, о чем говорили. Мы говорили о чем-то, я вспоминал, и тут же он мне говорит вот: «А знаете что, хотите прочитать мое новое произведение?» Вот он мне сует — я даже, честное слово, не помню сейчас, как я это все читал.

В.Д.: А впоследствии вы стихами его не интересовались?

И.Б.: Впоследствии — нет, я не интересовался. То есть я...

В.Д.: Ну, слышали что-нибудь такое.

И.Б.: Я слушал, да, слушал, и некоторые у меня интерес вызывали.

В.Д.: Кого слушали? Не его, а просто чтецов?

И.Б.: Нет, да, не его слушал уже.

В.Д.: На его вечерах вы ни разу никогда?

И.Б.: Нет, я не бывал никогда.

В.Д.: И вообще литературой не интересовались?

И.Б.: Вообще я не бывал, я его и не знал даже потом. Только случайная встреча вот на Ярославской дороге, когда мы ездили на дачу, там, к знакомым, встречали его в вагоне. Проходил, мы с ним здоровались, шутил.

В.Д.: Но это уже было без желтой кофты?

И.Б.: Это уже в советское время, позже.

В.Д.: По Ярославской дороге?

И.Б.: По Ярославской.

В.Д.: Ну, правильно, он жил в Пушкине.

И.Б.: Да, вот так.

В.Д.: А вы где?

И.Б.: А я жил в Москве, но ездили мы на дачу в эту... как?... Малаховку, вот по этой...

В.Д.: Нет, Малаховка — это другая дорога.

И.Б.: ... по этой дороге ездили.

В.Д.: Там... Клязьма там...

И.Б.: Мытищи, Клязьма — вот сюда ездили с женой иногда к знакомым. И вот тут иногда...

В.Д.: А он жил в Пушкине.

И.Б.: А он жил в Пушкине и вот он проходил, потом жена говорит: «Смотри, — говорит, — это, ты с кем, — говорит, — это?..» Я говорю: «Ты разве не знаешь? Это Маяковский же, Маяковский, он же у меня был солдатом». И он здоровался со мной, и шутил, и разговаривали, с лапой такой толстой своей, брал руку поперек и говорил: «Ну, как вы живете?» Я говорю: «Ничего, живем».

В.Д.: А никогда он не вспоминал об этом эпизоде с генералом Секретёвым?

И.Б.: Нет, ничего мы не...

В.Д.: И вы его никогда не спрашивали, что...

И.Б.: Нет, я больше никогда не спрашивал ни о чем, не приходилось, занят был я очень.

В.Д.: Ну, да и тема была довольно...

И.Б.: Тема меня мало интересовала тогда как-то вся эта. Вы знаете, если бы я был все-таки поэт или... черт-те, может быть, я бы, конечно, интересовался.

В.Д.: Так, ну, спасибо, Иван Николаевич.

И.Б.: Да.

В.Д.: Все-таки, так сказать, вы вписали этот эпизод и в вашу очень интересную жизнь, вот, а другие вопросы, которые совсем за пределами этой темы, — Маяковский и вообще литературы, — мы, может быть, вынесем за скобки. А на этом сейчас нам можно закончить.

И.Б.: Вы посмотрите... *(Перерыв в записи.)*

В.Д.: Иван Николаевич, я вас хочу еще спросить вот что. Значит, я узнал о вас потому, что вы пришли в Музей Маяковского.

И.Б.: Да, совершенно.

В.Д.: А почему вы туда пришли?

И.Б.: Так куда мне деться-то? Я давал прочесть это моим родичам, — они мне говорят: «Обязательно идите, что вы».

В.Д.: А почему вам пришло в голову написать воспоминания?

И.Б.: Написать воспоминания — потому что я... в последнее время только начали разговор о семидесятилетии Маяковского.

В.Д.: Ах, вот только в связи с...

И.Б.: Только, только, только поэтому.

В.Д.: Только в связи с этим. Вот вы эти журналы «Огонек»...

И.Б.: В связи... Да, вот я начал слышать... услышал это все — занялся... думаю: «Да постойте же, ведь Маяковский-то у меня же был там солдатом. Как же я не... Напишу я сейчас». Я дал прочесть вот моим родичам — те говорят: «Обязательно. Слушай, обязательно поезжай. Есть, — говорят, — такой музей». Я в справочном бюро спросил, где, мне указали.

В.Д.: Ну, а оттуда вас направили ко мне. Все ясно. Ну, спасибо, на этом мы закончим.

